

Борис Тененбаум

**Конец
La Belle Epoque**

БОРИС ТЕНЕНБАУМ

Конец La Belle Epoque

БОСТОН • 2009 • BOSTON

СЕРИЯ «ПОРТРЕТЫ НА ФОНЕ ЭПОХИ»

Борис Тененбаум
Конец «La Belle Epoque»

Boris Tenenbaum
The End of «La Belle Epoque»

Печатается по оригинальному авторскому тексту

Copyright © 2009 by Boris Tenenbaum

Copyright © 2009 by M•GRAPHICS PUBLISHING

All rights reserved.

No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1-934881255

Library of Congress Control Number 2009930610

Published by M•GRAPHICS | BOSTON, MA

☐ www.mgraphics-books.com

✉ mgraphics.books@gmail.com

Подготовка к печати: Б. Тененбаум, А. Футер и М. Минаев

Дизайн обложки: П. Крайтман © 2009

Отпечатано в США

памяти моего отца

СОДЕРЖАНИЕ

От Автора	9
На половине пути к станции Дно	11
Маннергейм	61
Конец La Belle Époque	159
Михаил Хейфец: <i>Историк и писатель — в неразрывном единении</i>	220

ОТ АВТОРА

Дорогой читатель. У вас в руках — первая книга из новой серии «Портреты на фоне эпохи».

Первый «портрет» в этой книге — С. Ю. Витте, история жизни которого представляет сюжет, достойный приключенческого романа. Инженер-железнодорожник, волею судьбы и блеском собственного таланта вознесенный на самую вершину бюрократической машины огромной Российской Империи, возможно, мог бы ее спасти. Судьба неудавшегося «русского Ришелье» в конечном счете оказалась к нему немилостивой — но почему? Ему не повезло с государем — это очевидно. Но, может быть, причина глубже — и «невезение» это было, так сказать, системным явлением?

Когда грянула та самая, великая и ужасная революция, которой так опасался опальный царский премьер, граф С. Ю. Витте — что случилось потом?

А потом случилась Гражданская Война — чудовищная катастрофа России, от которой она не отошла и теперь, чуть ли не век спустя.

Были возможны варианты. Гражданская война в отколовшейся провинции Российской Империи, в Финляндии, окончилась победой «белых» — в три месяца. Гражданская война в самой России окончилась победой «красных» — в три года.

Почему?

В попытке ответить на этот вопрос и была написан второй «портрет» — биография барона Маннергейма, русского генерала, ставшего лидером независимой Финляндии.

Могло ли дело повернуться по-другому? Похоже, что нет, не могло. Россия — не Финляндия.

Жизнь Маннергейма, генерала русской кавалерии, сподвижника Брусилова, сослуживца Корнилова и Каледина, дважды сражавшегося за Россию, и трижды сражавшегося против России, за независимость Финляндии — своего рода иллюстрация этого различия.

У него в 1918 получилось то, что не вышло у Деникина или Врангеля.

Третья часть — «Конец La Belle Epoque» — дает общее представление о том, как и почему началась Первая Мировая Война. На взгляд автора, это будет полезно, потому что необходимо видеть тот фон, на котором произошли события в России. Кроме того, здесь впервые появляется на сцене человек, который станет наиболее значительным британским политиком XX века — Уинстон Черчилль.

О нем — в следующей книге серии.

**На половине пути
к станции Дно**

I

Государь-Император, Самодержец Всероссийский, Александр Третий любил ездить быстро. Царский поезд должен был идти со скоростью курьерского и с «двойной тягой» — то есть с двумя паровозами. Ему, естественно, открывалась «зеленая полоса», все встречные — и даже попутные — поезда сходили в сторону, освобождая путь литерному царскому составу. На одном из перегонов — царь ехал на юг — поезд должен был проехать по частной железной дороге — части так называемых Юго-Западных Дорог — из Ровно в Фастов. Как полагалось, его сопровождал представитель дороги, несущий ответственность за безопасность поезда на данном участке движения.

Юго-Западную частную железную дорогу в данном случае представлял довольно необычный специалист. Вернувшись в Киев, он написал рапорт министру путей сообщения, в котором объяснил, что движение царского поезда — с такой скоростью и с таким весом вагонов — опасно. Мнение это было обосновано очень обстоятельными и детальными расчетами, принимающими во внимание вес рельс, материал шпал, и даже использованный при строительстве дороги «балласт» — в России использовали песок, в то время как за границей — щебенку — и это делало российскую колею менее надежной, чем европейская.

На обратном пути поезд шел уже медленнее. Сопровождал его все тот же железнодорожник. На остановке в Фастове все пассажиры — от министра путей сообщения и ниже — изо всех сил его не замечали. Наконец к нему подошел генерал-адъютант царя Черевин, и сказал, что «...государь-импе-

ратор очень недоволен порядками на Юго-Западных Железных Дорогах...».

Железнодорожник начал было объясняться с Черевиным, и тут к нему обратился сам государь: *«Да что вы говорите! Я на других дорогах езжу, и никто мне не уменьшает скорость, а на вашей дороге нельзя ехать просто потому, что ваша дорога жидовская».*

Это был не слишком деликатный намек — председателем правления дороги действительно был еврей, хоть и крещенный — И. С. Блиох. Ну, государю не возражают, так что железнодорожник просто поклонился.

Однако когда министр путей сообщения тут же повторил мысль государя, подчеркнув, что на других дорогах царский поезд идет с требуемой скоростью, и никто его не останавливает, ему совершенно неожиданно ответили:

«Ваше Высокпревосходительство, пусть другие делают, что хотят, но я ломать государю голову не хочу — а такое рискованное движение может кончиться именно этим».

Замечание было неслыханной дерзостью. Царь прислушивался к разговору, но не вмешался в него. Через несколько месяцев, в середине октября 1888 года, поезд с Александром Третьим потерпел крушение на железнодорожной линии недалеко от Харькова. Царь чудом остался жив — в его столовом вагоне обрушилась крыша, и он удержал ее на своих плечах, чем спас свою семью.

Дерзкий железнодорожник — по желанию государя — был вызван для участия в экспертной комиссии, расследовавшей причины катастрофы. Государь пришел к выводу, что человек этот — несмотря на предосудительный факт *«...службы на жидовской дороге...»* — дело, по-видимому, знает, и его мнение стоит послушать.

С этого события и началась необыкновенная карьера железнодорожника, которого звали Сергей Юльевич Витте.

II

Экспертиза крушения была проведена весьма основательно. Возможность диверсии со стороны революционеров — на что, естественно, обратили внимание в первую очередь — оказалась исключена. Авария была вызвана тем, что с рельс слетел личный вагон министра путей сообщения. В формуляре вагона, кстати, обнаружилась запись, по которой вагон рекомендовалось заменить, и уж в любом случае — ставить в самом конце поезда, где он будет представлять меньше опасности. Замечание было подписано «...дежурным инженером по движению на *фастовском* участке, *С. Ю. Витте...*». Он, собственно, отвечал за все движение по Юго-Западной Дороге, но, поскольку самолично должен был сопровождать царский поезд, то заодно провел и инспекцию его вагонов.

Все это становилось интересным. Царь велел навести справки об инженере и выяснил следующее.

С. Ю. Витте свое не по-русски звучащее имя получил по наследству от отца, потомка обрусевшего голландского рода. Блестяще окончил университет, и собирался остаться там профессором, на кафедре математики, но ему отсоветовал делать это дядюшка, почтенный генерал Фадеев, брат его матери. Поступил в Управление казённой Одесской железной дороги, где дослужился до поста начальника эксплуатации. Был отмечен за эффективную организацию перевозки русских войск во время русско-турецкой войны.

Отмечен он был, однако, весьма необычным образом. Русский Генеральный Штаб не слишком тщательно подошел к сложной проблеме организации железнодорожных перевозок войск. На участок, за который С. Витте отвечал, не поступили паровозы. Тогда скромный чиновник, всего-навсего титулярный советник, по армейской иерархии — штабс-капитан — проявил неслыханное самоуправство. Своей властью, не спрашивая ни у кого разрешения, он отправил конницу своим ходом. Как он писал впоследствии — «...не помню — бригаду или дивизию...». Зато спас перевозки пе-

Сергей Юльевич Витте

хоты и артиллерии, которые сами двигаться не могли. Он умудрился найти выход из безвыходной ситуации с нехваткой паровозов. Вместо принятой в России европейской системы «один машинист — один паровоз» (которая обеспечивала детальное знание каждым машинистом особенностей своей машины) он ввел — без разрешения и даже без запроса такого разрешения — систему «сменных машинистов», принятую в Америке. Машинист теперь

сдавал паровоз сменщику, а сам шел отдыхать — это простое административное изменение имело значительные последствия. В результате паровозы стали работать по 20 часов в сутки — вместо принятых за норму 10 часов.

Столкнувшись с проблемой своевременной эвакуации раненых с фронта, инженер Витте завел отправку раненых в тыл в товарных вагонах — с соломенным покрытием полов. Был обвинен в «...перевозке людей как бревен...» — но оправдан, потому что санитарные поезда не справлялись с задачей, забирая не более 5% раненых, а товарные поезда дело сделали. Две недели гауптвахты, полученные за «...самоуправство и превышение полномочий...», он отбывал на железной дороге, где без него не могли обойтись — рано утром в тюрьму посылали экипаж, а поздно вечером этот же экипаж отвозил его обратно. Витте официально состоял под арестом и ночевать должен был в месте своего заключения.

После войны, не стяжав других отличий, он вышел в отставку, все в том же чине титулярного советника, из-за дерзкого ответа на запрос начальства — по какому поводу ему пожалован орден германским императором Вильгельмом Первым?

Он ответил, что «...никаких заслуг перед прусской короной за собой не знает, а так как орден дан Вильгельмом мне,

а не мной Вильгельму, то за ответом надо обращаться к германскому императору...».

Ответ этот Александру III скорее понравился — и он поручил сделать непочтительному к начальству инженеру предложение перейти на государственную службу. Ему предлагалась должность начальника департамента в министерстве путей сообщения и чин действительного статского советника. Повышение в табели о рангах с 9-го класса до 4-го было неслыханным — примерно как производство из чина поручика сразу в генералы, минуя все промежуточные ступени. Витте благодарил за честь, но от назначения отказался. Он объяснил это тем, что, приняв столь лестное предложение, он сильно потеряет в деньгах. И. С. Блюх очень ценил своего сотрудника и платил ему 50 тысяч рублей годового содержания. Предлагаемый же Витте пост приносил только 8 тысяч в год, и требовал переезда с благодатного юга в столицу, где жизнь была много дороже.

Царь, однако, настаивал. Он передал Витте, что вполне понимает его резоны, но просит учесть еще два фактора — во-первых, он, Александр III, будет доплачивать ему лишних 8 тысяч *«...из собственной шкатулки...»*, во-вторых, *«...он недолго останется на предлагаемом ему сейчас посту, потому что царь имеет на него виды...»*.

В итоге предложение было принято.

III

Царь Александр Третий славился в своей державе как рачительный хозяин, но лишние 8 тысяч жалованья, которые он добавил Витте, оказались, пожалуй, его самым удачным капиталовложением.

За какие-то два года (1889–1891) новый глава департамента ликвидировал дефицит казны, покрывавшей, согласно гарантийному договору, убытки акционеров, строивших частные железные дороги. Государство, не имея достаточ-

ных средств на строительство, обещало покрывать убытки частных компаний, если те брали на себя финансирование (и риск) постройки железных дорог, которые служили военно-стратегическим целям России.

В борьбе за грузы частные железные дороги снижали тарифы за перевозки ниже себестоимости, зная, что казна в конце концов их выручит. Витте провел простую реформу, сводившуюся к постановлению, что отныне все тарифы на все грузы становились «прозрачными» — компании могли назначать любые цены, но были обязаны публиковать их в правительственном вестнике — и не делать никаких скидок с цен, уже объявленных. Клиенты получили возможность выбирать наиболее подходящие им схемы перевозок, казна получила возможность пресекать демпинг — и в результате не только казенный дефицит, доходивший до 48 миллионов рублей в год, оказался ликвидирован, но и товарооборот ничуть не пострадал, а даже и увеличился.

Государь умел ценить полезных людей — и С. Ю. Витте вскоре оказался министром — сперва путей сообщения, а потом, после очень короткой каденции, получил в 1892 году назначение на пост министра финансов. В этой связи стоит упомянуть один показательный эпизод.

Витте в 1890 году овдовел, но вдовцом оставался недолго. В 1892 году он снова женился, и женился с огромным скандалом — он вступил в брак с женщиной, которая развелась с мужем, чтобы стать подругой Витте. В те времена вообще — а уж при чопорном дворе Александра Третьего тем более — положение разведенной отделялось от положения содержанки только одной ступенью — ее занимали актрисы.

Министр финансов по положению своему был приглашаем ко двору, но о том, чтобы его супругу (которая к тому же была еврейкой) тоже там принимали, не могло быть и речи — и Витте принес царю в кабинет прошение об отставке.

Между царем и его министром состоялся следующий диалог:

Министр: «Ваше Императорское Величество, как мне ни тяжело, но я должен просить об отставке, потому что я

собираюсь жениться на разведенной, и понимаю, что в моем положении министра, делать это неудобно».

ЦАРЬ: «О том, что вы хотите жениться, я знаю от шефа жандармов, во всех деталях. Вам нет никакого повода выходить в отставку, потому что если бы вы не женились при всех тех условиях, которые имели место, то я бы вас не уважал, а поскольку ваше намерение указывает мне только на то, что вы честный человек, то мое к вам уважение и доверие я углубляю».

Витте остался на службе — и служил своему государю верой и правдой. Министерство финансов в российской правительственной системе того времени было учреждением важнейшим, и занималось отнюдь не только финансами, но и налогами, и торговлей, и строительством портов и железных дорог. Витте лично положил огромные труды для получения концессий от Китая на постройку Китайско-Восточной Железной Дороги (КВЖД), которую рассматривали как ветку Транссибирской Дороги, из центра России к Владивостоку. Ему приходилось заниматься и дипломатическими переговорами о новом торговом договоре с Германией, и даже просвещением — министерство финансов, нуждаясь в грамотных кадрах, учредило сеть так называемых «коммерческих училищ» — немаловажным их преимуществом было то, что процентные нормы на них не распространялись.

Работая в правительстве, с государем министр прекрасно ладил. Витте добился права самому выбирать себе сотрудников. В своё подчинение набрал людей из частных компаний, его департамент считался образцовым, у него прекрасно и ревностно работали не жалованные обычно на государевой службе поляки и евреи. Их шефа интересовало не вероисповедание его сотрудников, а единственно их эффективность. Царь, со своей стороны, получая превосходные результаты деятельности своего министра, в распоряжения его не вмешивался, предоставлял ему самую широкую самостоятельность — и на его слово его министр мог полагаться «...как на каменную гору...» — используя его же выражение.

Перемены в этом счастливом положении дел пришли внезапно. В 1894 году царь Александр Третий — в возрасте всего 48 лет — умер, а на престол вступил его молодой наследник, новый государь Российской Империи, Николай Второй.

IV

Николай вступил на престол в возрасте всего 26-и лет, не будучи особенно подготовленным к выполнению роли самодержавного правителя огромной державы. Его отец был невысокого мнения об уме своего сына и наследника, и не спешил включать его в процесс принятия решений. Единственный пост, на котором наследник успел что-то сделать, сводился к председательству в комитете строительства Транс-Сибирской железной дороги. Конечно, роль его была скорее номинальной — в комитете работали толковые люди с серьезным и разнообразным военным, техническим и финансовым опытом — но по мысли царя Александра Третьего его сын мог там набраться некоторого опыта работы с людьми. С. Ю. Витте был одним из членов этого комитета, и именно он предложил включить в него цесаревича — так что некоторое представление о новом государе к моменту вступления того на престол у него было.

«...В жизни не видел более воспитанного молодого человека...» — написал Витте о Николае Втором впоследствии в своих мемуарах, и мнение это было вполне обоснованным — молодой царь был искренне религиозен, исключительно вежлив со всеми окружающими — даже слугам говорил «вы» — свободно говорил на трех европейских языках, и был очень почтителен и к матушке, и к своим дядьям — братьям покойного императора. Практически все министры, назначенные его отцом, остались на своих постах. Постепенно входя в дела державы, Николай обычно следовал советам этих опытных людей — и министр финансов не был

исключением. Именно к нему государь и обратился по поводу составленного Витте «Всепопданнейшего Доклада» о строительстве нового порта, который предполагалось сделать главной базой российского военно-морского флота. Реально рассматривались два варианта — Север, или Балтика. В случае выбора балтийского направления морскую базу предполагалось строить в Либаве.

Доклад — как и все, что выходило из под пера С. Ю. Витте — был замечательно логичен и обоснован, и рекомендовал строительство порта на Мурмане, в незамерзающей бухте Св. Екатерины. Он давал российскому флоту выход в открытый океан — и черноморские, и балтийские порты России были уязвимы для морской блокады противника. Противник не назывался, но считалась им Англия. План был привязан к строительству новых железных дорог, ведущих к новому порту — не только из центральной России, но и из Сибири. Витте предполагал, что южная Сибирь может стать новым источником российского хлебного экспорта, и стремился направить этот торговый поток в сторону океана.

Государь в личной беседе со своим министром финансов вполне с проектом согласился, и даже — несколько таутологически — выразил мнение, что «...*России нужен выход в открытый океан, в то время как проект порта в Либаве непрактичен, ибо в случае войны флот будет блокирован на Балтике...*». Таким образом, вопрос был решен.

Через два месяца С. Ю. Витте узнал — даже не лично от государя, а просто прочел в «Правительственном Вестнике» — что новый порт будут строить в Либаве.

Потерявший дар речи министр начал наводить справки. Согласно объяснениям, царь со слезами на глазах говорил, что Великий Князь Алексей Александрович, брат его покойного отца и Генерал-Адмирал Российского флота, заставил его подписать указ, говоря, что иначе он сочтет себя горько обиженным и откажется от поста Генерал-Адмирала.

Министр финансов, более искушенный в делах правления, чем его молодой государь, не принял порыв великого князя Алексея Александровича как неожиданную импровизи-

зацию. Согласно Витте, «...великий князь был милым, честным и благородным человеком, но в деловом отношении не слишком серьезным — и им руководил управляющий морским министерством Н. М. Чихачев...».

Понадобились дополнительные изыскания — и оказалось, что мнение Чихачева было ему подсказано. Сделал это не кто иной, как начальник Генштаба, генерал Обручев, совсем недавно подписавший военную конвенцию с Францией. Генерал считал наиболее вероятным противником России отнюдь не Англию, а Германию, и хотел иметь военный порт именно на Балтике, чтобы в случае европейской войны иметь возможность использовать флот в интересах сухопутных сил армии.

Это совершенно меняло дело. Витте мнение Обручева считал вполне основательным, ибо «...был уверен в высоком уме и талантах генерала...» — но его поразило, каким именно образом вопрос был решен — без обсуждения, без обоснований, без споров и дискуссий — и, очевидно, что сам государь не понимал, что он делает, а просто следовал настоящему желанию своего дяди. Неясно было, понимал ли и сам великий князь последствия своей просьбы к августейшему племяннику. Важнейшее государственное дело было решено императором вслепую, по просьбе родственника.

Как говорил — по другому, правда, поводу — известный российский миллионер, публицист и издатель, А. С. Суворин — «...Россию погубят жидаы и великие князья...».

V

Мнение А. С. Суворина, выраженное столь лапидарно, означало, что некие собирательные «...великие князья...», имея доступ к царю, могли получать нужные им решения в виде «...Высочайшего Повеления...», не подлежащего дальнейшему обсуждению. Таким образом, они как бы «закопачивали» нормальный ход государственных дел. Критика

была справедлива, но не принимала в расчет двух необходимых предварительных условий: во-первых, наличия самодержавной бесконтрольной власти, во-вторых того, что носитель этой власти должен был быть лицом некомпетентным и бесхарактерным. У Александра Третьего, по свидетельству хорошо знавшего его Витте, «...великие князья по струнке ходили...». Сын его, к сожалению, пошел не в отца.

Что касается суровой оценки «...жидов...», столь неожиданно соединенных у А. С. Суворина с «...великими князьями...», то тут надо сделать скидку — его чувства были сильно окрашены личной заинтересованностью — главными конкурентами на ниве российской периодической печати были как раз представители столь ненавистного ему «...чесночного племени...».

К тому же тогдашние времена были далеки от теперешней политической корректности. Тот же Витте — вот уж не ксенофоб — мог аттестовать некоего одесского банкира, как «...и внешностью похожего на еврея, и вообще противоположного...».

Витте был вообще резок в своих суждениях.

Вот несколько характеристик, взятых наугад из его мемуаров:

1. Барон Шерваль (бывший министр путей сообщения) — «...финляндец, он был почтенным человеком, очень благодушным, с известной финляндской тупостью, и среднего калибра инженером...».

2. Антонович (заместитель Витте в течение года в министерстве финансов) — «...человек добрый, недурного сердца, но типичный хохол-провинциал, с большой хитрецей...».

3. Профессор Гюббенет — «...неплохой хирург, много делал операций, и, говорят, довольно удачных. Но он был человек невероятной немецкой глупости».

Так что доставалось от него решительно всем, без малейших исключений, и даже адмирала Алексеева он умудрился обозвать «...хитрым армяшкой...» — вот уж не знаю, на каких основаниях.

Государственная служба Витте — теперь уже тайного советника — шла своим чередом. В 1895 году он провел так

называемую «винную монополию» — отменил откупа на продажу крепких напитков, отдав промысел производства крепких напитков в ведение казны. Эта реформа была задумана еще Александром Третьим с целью сократить пьянство. В 1897 году русский рубль стал золотым — эта огромная реформа была проведена Витте против мнения едва ли не всего Государственного Совета, потому что низкий курс рубля был выгоден крупным землевладельцам — экспортерам хлеба, а Государственный Совет как раз из таких лиц и состоял. Тем не менее проект перехода на конвертируемый в золото рубль был осуществлен, и оказался необыкновенно успешным — государственный бюджет стал сводиться со значительным профицитом.

Эта реформа оказалась настолько связана с именем Витте, что новые золотые монеты были прозваны «матильдо-ры» — по имени его жены Матильды.

Были, конечно, и некоторые трения — например, в 1896 году русский посол в Турции Нелидов предложил провести внезапный захват Константинополя — и царь этим проектом очень увлекся. Его остановил только совместный демарш его министров (организованный Витте), поддержанных великим князем Владимиром Александровичем, командиром всей русской гвардии. Эти лица сумели объяснить государю, что столь резкий шаг может повести к большой европейской войне, которую союзница России, Франция, в данный момент вести бы не хотела.

Но внимание российской дипломатии с началом нового, двадцатого века оказалось перенесенным с Балкан на Дальний Восток. С Китаем — после неудачной для него войны с Японией в 1895 году — был заключен договор о дружбе. Россия получила концессии на постройку железной дороги в Манчжурии. Шли интенсивные работы по постройке порта во Владивостоке. Грянувшее в Китае «боксерское восстание» вызвало совместную интервенцию европейских держав — и примкнувшей к ним Японии — против повстанцев. На Дальнем Востоке начались неприятности — постройка русскими военно-морской базы в Порт-Артуре, сразу после того, как

этот пункт был оставлен японцами — вызвал компенсационные действия других держав. Япония стала все более и более активно действовать в Корее, неизбежно сталкиваясь там с русским влиянием.

Николай Второй в письме к прусскому принцу Генриху писал (в октябре 1901): *«...я не хочу брать Корею, но никоим образом не могу допустить, чтобы японцы там прочно обосновались. Столкновение неизбежно, но надеюсь, что оно произойдет не ранее, чем через четыре года — тогда у нас будет преобладание на море. Это — наш основной интерес. Сибирская дорога будет закончена через 5 или 6 лет».*

Поздней осенью 1901 года в Россию приехал видный японский государственный деятель, маркиз Ито. Он предложил разделить сферы влияния — Россия получает свободу рук в Манчжурии, а Япония — в Корее.

Вот при обсуждении этого предложения пути государя Николая Второго и его министра финансов С. Ю. Витте резко разошлись.

VI

В 1902 году Витте совершил инспекционную поездку на Дальний Восток, и вынес из нее весьма пессимистические впечатления. В своих мемуарах позднее он писал, что его просто поразило *«...сочетание полной неподготовленности к возможной войне, и при этом — самой задорной внешней политики...».*

Россия, выгнав японцев из Порт-Артура во имя *«...сохранения территориальной целостности Китая...»*, после этого заняла Порт-Артур сама, учредив в нем свою военную базу. Манчжурия была оккупирована русскими войсками, и предполагалось *«...сделать из нее что-то вроде Бухары...»* — по выражению военного министра Куропаткина.

Одновременно началось активное внедрение русских интересов в Корею — в частности, *«...нескольким русским воен-*

ным были выданы лесные концессии...», как раз в пограничном районе реки Ялу, между Манчжурией и Кореей. Сам государь был в полном восторге от действий своих «разведчиков» — одного из них, А.М. Безобразова, бывшего кавалерийского офицера, он сделал своим статс-секретарем. Это давало право личного доклада монарху, что для человека в чине ниже министра было совершенно необычным отличием.

Японцам на их предложение о полюбовном разделе по линии границы между Манчжурией и Кореей даже не ответили.

С другой стороны, Сибирская железная дорога была еще не закончена. Войск на Дальнем Востоке не накапливали — все внимание Генштаба было обращено на западные границы, главной военной проблемой считалась возможность большой европейской войны, а на Востоке «...столкновение с великой державой было исключено...». Имелось в виду, что Англия постепенно уводила свой флот в европейские воды из-за растущей угрозы Германии, Франция была союзницей России, а Германия всячески поощряла русские устремления в Азии, потому что это отвлекало Россию от дел Европы.

Японию уж конечно великой державой не считали — и вряд ли даже умнейший и проницательнейший С. Ю. Витте был тут исключением. Несмотря ни на что, он опасался морской войны с Англией, которая на русскую экспансию в Китай смотрела враждебно, и в 1902 году подписала с Японией союзный договор. Стороны обещали друг другу дружественный нейтралитет в случае войны одной из союзниц против одной державы, и военную поддержку — в случае борьбы с двумя.

Витте в докладе царю утверждал, что необходимо либо снизить накал конфронтации, либо серьезно готовиться к возможному столкновению. Сам он решительно предпочитал мир.

Дальше есть смысл привести цитату из весьма верноподданнически написанной «Истории царствования Николая Второго», написанной в Париже профессором-историком Сергеем Ольденбургом:

«...Считая азиатскую политику задачей своего правления, государь не мог согласиться с пессимистическими выводами Витте; если многое еще не доделано — надо удвоить усилия; если сейчас соотношение сил невыгодно — следует лавировать, но никаким образом нельзя отказываться от выполнения исторической миссии России...».

Тем временем в России состоялось важное религиозное событие — прославление новообретенных мощей святого старца Серафима Саровского. Государь, известный своим патриотизмом и религиозностью, лично совершил туда паломничество, и, что называется, *«...укрепился духом...»*.

Протицируем книгу Ольденбурга еще раз:

«...вернувшись из Сарова с возросшей верой в силы русского народа, государь принял две меры, имевшие целью укрепить положение на Дальнем Востоке и устранить в этом вопросе колебания:

1. 30 июля 1903 года было учреждено наместничество Дальнего Востока.

2. 16-го августа С. Ю. Витте был уволен с поста министра финансов...».

На торжественном новогоднем приеме для дипломатического корпуса иностранные послы, аккредитованные в Санкт-Петербурге, выслушали речь царя о военном могуществе России и его предостережения, чтобы *«...никто не испытывал его терпения и любви к миру...»*.

24 января 1904 года Япония известила Санкт-Петербург о разрыве дипломатических отношений. В ночь с 26 на 27 января 1904 года японские миноносцы атаковали Порт-Артур. Так началась русско-японская война.

VII

В Петербурге прошли большие манифестации, к Зимнему Дворцу пришли со знаменами и царскими портретами тысячи людей — патриотическим подъемом было охваче-

но даже обычно фрондирующее студенчество. Совершенно штатский и не слишком здоровый, а по основному занятию — литератор — А. П. Чехов собирался отправиться на фронт в качестве врача-добровольца. (По крайней мере, так уверяет Роберт Массэ, автор «Николая и Александры»).

В победе никто не сомневался. Военные вполне серьезно дебатировали вопрос — следует ли высаживаться в Японии после разгрома японских войск на континенте Азии? Взять в плен микадо представлялось заманчивым...

Казалось, что для оптимизма есть все основания — в 1900 году Россия превосходила Японию по населению в три раза — 135 миллионов против 43. Русская армия — 1 162 000 солдат — по численности почти превосходила две следующие за ней (французскую и германскую) — взятых вместе, а уж японскую армию — 234 000 солдат — превосходила вчетверо. Русский военно-морской флот по общему тоннажу был вдвое больше японского. Правда, географические реальности делили его на 3 части — балтийский, черноморский и тихоокеанский. Тем не менее, стоящая в Порт-Артуре эскадра насчитывала 7 броненосцев — против 6 японских.

Кроме того, мало кто в Европе мог представить себе такое чудо, как азиатская страна с хорошей военной машиной.

Английский посол в середине XIX века писал в отчете в Foreign Office, что «...дюжина решительных людей, вооруженных револьверами, может пройти Китай от границы и до границы...».

В августе 1863 года князь японского клана Сатсума оказался в состоянии войны против Британской Империи — когда кортеж его отца встретил на дороге из Июкагамы в Йедо четырех англичан, ехавших верхом, они не спешили и не склонились в земном поклоне. Молодой самурай из состава эскорта вспылал — и тут же, на месте, зарубил одного из англичан. Правительство Великобритании потребовало извинений, наказания виновного, и наложения огромного штрафа на клан, к которому принадлежал убийца. Клан платить отказался, и тогда в залив Кагашима, защищенный

артиллерийскими фортами клана Сатсума, были направлены британские корабли. Дуэль оказалась неравной — все береговые сооружения были попросту расстреляны, японские пушки не доставали до кораблей. Самураи, обнажив мечи, вышли к береговой линии, ожидая высадки и боя — но англичане и не подумали высаживаться. Капитаны судов, вместо того чтобы скрестить свои кортики с мечами защитников фортов, вызвали на палубы судовые оркестры, и канонада продолжалась — теперь уже под музыкальный аккомпанемент...

Веселые балльные мелодии звучали всю ночь — и клан Сатсума признал свое поражение и выплатил контрибуцию. Одним из самураев, оплакавших это невыносимо горькое унижение, был Того Хейхачиро.

В 1904 году именно он, теперь уже адмирал флота Японской Империи, командовал главными силами флота, прикрывавшими атаку японских миноносцев на Порт-Артур.

VIII

Война с самого начала пошла неудачно. Наместник, адмирал Алексеев, в теории был чем-то вроде вице-короля — но его назначение на столь высокий пост было обусловлено не деловыми качествами, а тем, что он, незаконный отпрыск Александра Второго, доводился царю как бы дядей, и к тому же был близким другом Генерал-Адмирала русского флота, великого князя Алексея Александровича.

Поэтому командование сухопутными силами на Дальнем Востоке было поручено более надежному человеку — генералу Куропаткину, бывшему военному министру. Он командовал войсками — однако, по положению своему, был подчинен наместнику.

Куропаткин, отбывая на войну, просил совета у провожающего его Витте (который, помимо прочего, был известен как специалист по вопросам Дальнего Востока) — что

сделать прежде всего? Витте сказал, что ему следует «...немедленно арестовать адмирала Алексеева и отправить его в Петербург — иначе, при разделенном командовании, порядка не будет...». Оба собеседника посмеялись — но генерал потом говорил, что совет был все-таки хорош.

Куропаткин настаивал на стратегическом отступлении ближе к границам России, накоплении сил, и затем на переходе в решительное наступление. Недостатком плана был отказ от выручки Порт-Артура от неизбежной осады — эта морская крепость стояла на берегу Желтого моря, в южной Манчжурии, слишком далеко от главных сил армии. Адмирал Алексеев ревновал, и настаивал на немедленном наступлении — скорее всего потому, что такой образ действий был бы приятен в столице.

Обе стороны стратегического спора стремились поставить на своем посредством получения — подсказанных ими — «...Высочайших Повелений...». Царь, по обыкновению, не мог решить, кто прав — и соглашался по очереди с обоими. Результатом была полная неразбериха.

Флот, запертый в Порт-Артуре, 13 апреля попытался выйти в море. Флагманский броненосец «Петропавловск» при выходе из гавани налетел на мину и пошел ко дну — вместе с новым командующим, адмиралом С. О. Макаровым. Погибло 700 человек, включая известного художника, Верещагина, который был в свите адмирала.

Японцы вскоре отбросили русскую армию от корейско-маньчжурской границы, началась осада Порт-Артура. На Дальний Восток отправлялись войска из центральной России, царь лично провожал отбывающие полки, благоговая их образом св. Серафима Саровского. Пользы это, к сожалению, не приносило.

Очевидная угроза поражения на суше навела на мысль попробовать переломить ход войны на море. Порт-артурская эскадра, несмотря на примерное равенство сил с японцами, признаков жизни не проявляла. Было решено отправить на Дальний Восток подмогу — практически весь Балтийский флот, названный по этому случаю Второй Тихоокеанской эс-

кадрой — под командой адмирала Рожественского (Витте в своих мемуарах называет его Рождественским).

Адмирал этот командовал школой морских артиллеристов, заслужив в этом качестве похвалу даже от придиричивого кайзера Вильгельма, и был полон боевого духа — в частности, публично выражал мнение, что командующего Первой Тихоокеанской эскадрой (порт-артурской) адмирала Витгефта следовало бы расстрелять.

Решение о посылке Второй эскадры состоялось в начале лета 1904 года, но тронуться в путь удалось только в октябре. Уходящий флот провожал сам царь Николай Второй на императорской яхте «Штандарт».

В дневнике он записал: «Благослови их, Господи, сохрани их в пути, помоги им достичь цели и исполнить страшное предназначение, необходимое для счастья России».

IX

Морская экспедиция сильно напоминала русско-японскую войну, только в уменьшенном масштабе. Несчастья начались задолго до берегов Японии. Поход вообще был чрезвычайно рискованным мероприятием — затеять такое можно было только от отчаяния. Флоту предстояло пройти через 3 океана, не имея ни единой базы для ремонта и отдыха на всем пути от Балтики и до Желтого Моря. Уголь приходилось загружать в открытом море. Эскадра никогда не плавала вместе — эскадренные учения на балтийском флоте вообще никогда не проводились.

При ночном проходе через Северное Море адмирал Рожественский едва не вызвал войну с Англией, обстреляв в районе Доггер-бэнк английские рыболовные траулеры — он принял их за японские миноносцы. Царь, раздраженный открытой поддержкой, которую Англия оказывала Японии, отказался извиняться. Это было чрезвычайно опрометчиво, потому что английский флот в водах метрополии составлял

24 броненосца — против 5 русских — и мог без всяких затруднений пустить русскую эскадру ко дну.

Русский посол в Лондоне, граф Бенкендорф, сумел уладить дело миром — он уговорил обе стороны передать дело в Международный Трибунал в Гааге. В итоге Россия возместила Англии убытки в размере 65 000 фунтов, а Англия согласилась не настаивать на наказании виновных.

После долгого перехода вокруг Африки флот добрался до Мадагаскара, где было проведено наконец боевое учение, со стрельбой по парусиновым мишеням размером с японский миноносец. Результаты были удручающими — ни один корабль не попал в цель ни разу.

Здесь же Рожественский получил ужасное известие о падении Порт-Артура. Первая Тихоокеанская эскадра, на выручку которой шла Вторая эскадра, больше не существовала.

Он ожидал отзыва флота домой, но вместо этого получил приказ — ожидать усиление в виде отряда адмирала Небогатова — и двигаться дальше, к Владивостоку. В феврале 1905 года адмирал Рожественский телеграфировал царю: «Ваше Императорское Величество, я сомневаюсь в надежности кораблей Небогатова, в походе к Владивостоку они послужат мне только бременем».

8 февраля царь ответил сердитой телеграммой — «Ваша задача состоит не в том, чтобы достигнуть Владивостока с несколькими судами, а в том, чтобы отнять у Японии господство на море». Рожественский получил Высочайшее Повеление — «...идти вперед, несмотря ни на что...».

27 мая 1905 года русская эскадра вошла в Цусимский Пролив, разделяющий Японию и Корею, и встретила там японский флот под командой адмирала Того. Последовало страшное поражение. Владивостока достиг только крейсер «Алмаз» и пара маленьких миноносцев.

Три крейсера повернули на юг и добрались до Манилы, 4 корабля под командой адмирала Небогатова в совершенно безнадежной ситуации спустили свои флаги и сдались в плен. Миноносец «Бедовый», на котором находился раненый

в сражении адмирал Рожественский, был захвачен японцами вместе с адмиралом.

Все остальные русские суда были потоплены. Японские потери были ничтожны.

Это сражение практически решило судьбу войны — в России еще в январе 1905 года началась революция. С внешним врагом надо было срочно заключать мир.

Х

Собственно, революция началась много раньше. При Александре Третьем система как-то держалась — ситуация обострилась после вступления на престол Николая Второго. Авторитет власти уменьшился — очень уж новый царь в слове своем был ненадежен.

Даже глава всей службы безопасности Империи, министр внутренних дел Сипягин — и тот считал, что «...государь неправдив и коварен...».

Это, по-видимому, не так — какое уж там коварство? Просто Николай Второй по слабости был склонен к поворотам — он соглашался с последним по времени лицом, которое с жаром доказывало ему свою правоту...

Вите вообще выражал мнение, что «...у государя двойная, а то и тройная политика — как у Меттерниха или Талейрана — но поскольку государь наделен умственными способностями не так щедро, как вышеназванные лица, то результатом такой тонкой политики обычно является невероятная путаница...».

В 1902 году Сипягин был убит. Его преемник, В. К. Плеве, человек очень талантливый в деле полицейского розыска — это он нашел организаторов покушения на Александра Второго — стремился не ограничиваться сыском, а повернуть «давление снизу» в другое, консервативное русло.

К его идее «поворота революции вправо» путем «...поощрения консервативных групп...» государь относился в выс-

шей степени сочувственно, поддержанный в этом и влиянием супруги.

Кто бы мог подумать, что гессенская принцесса Аликс, внучка королевы Виктории, говорившая со своими детьми только по-английски — и вдруг окажется дамой со склонностью к вере в «...*праведных старцев...*», и с идеей, что «...*только простой русский народ может быть истинной опорой монархии...*»? Ее, увы, неотчетливое понимание российских реальностей вело к тому, что — если верить мемуарам Витте — органы черносотенной печати подкармливались из личных средств Ее Величества.

Все это мало помогало делу прекращения беспорядков.

В 1905 году новому генерал-губернатору в Киеве, генералу Сухомлинову, для подавления разгромов домов и лавок в центре города пришлось прибегать к вооруженной силе. Участники «...*патриотических демонстраций...*» были настолько уверены в своей правоте и в том, что «...*начальство бить жидов разрешает...*», что когда о. Платон, ректор духовной киевской академии, вышел с крестом в руках навстречу толпе погромщиков, чтобы ее остановить, его встретили расстеленной красной дорожкой, сооруженной из награбленных в разбитых еврейских магазинах материи — толпа была уверена, что священник вышел ее благословить.

В начале января 1905-го огромная толпа рабочих, организованная «попом-социалистом» Гапоном, пошла на Зимний Дворец — с иконами и с царскими портретами, но и с требованием встречи с государем, которому собирались предъявить требования.

Царя в Петербурге не было. Никто из членов царской семьи делегацию рабочих принять не пожелал. В результате на Дворцовой Площади войска открыли огонь по толпе — это событие, названное Кровавым Воскресеньем, положило начало новому витку повсеместных мятежей, терактов и восстаний. В Москве был убит дядя царя, великий князь Сергей Александрович.

После известия о немыслимо позорной сдаче в плен остатков флота после проигранного Цусимского сражения

мятежи начались и в вооруженных силах. На Черном Море произошло восстание на «Потемкине». В конце концов даже до государя дошло, что дальше так продолжаться не может — надо было срочно выходить из войны.

XI

Летом 1905 года появилась некая отдаленная возможность выбраться из беды. Президент США Теодор Рузвельт предложил обеим сторонам — и России, и Японии — свои посреднические услуги, и обе стороны не хотели обидеть могущественную нейтральную страну своим отказом.

Проблема для России состояла в условиях — война была безнадежно проиграна, но принимать жесткие условия мира было трудно — престиж государя был подорван и без этого. Самые верноподданные круги выражали сомнения в том, что дальнейшая судьба династии сложится благополучно.

В окружении царя возникла мысль — поручить переговоры о мире С. Ю. Витте. Если он провалит переговоры — при всем его стремлении к миру с Японией — значит, мир был невозможен. А если заключит мир, но примет тяжелые условия — то на него можно будет свалить и вину, и ответственность.

Сам бывший министр финансов отнюдь не рвался на столь ответственный дипломатический пост. Иллюзий он не питал, и полагал, что его ставят «...только для того, чтобы вычистить выгребную яму...». Тем не менее, поручение он принял — посчитал его «своим патриотическим долгом».

Мирная конференция в Портсмуте, в штате Нью-Хэмпшир, открылась 9 августа 1905 года. Требования, поставленные Японией, сводились к следующему:

1. Признание свободы действий Японии в Корее.
2. Отвод российских войск из Маньчжурии.
3. Передача Японии Ляодунского полуострова и Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД).

4. Уплата Россией военных издержек.
5. Выдача Японии интернированных российских судов.
6. Присоединение к Японии Сахалина (окупированного японскими войсками накануне открытия конференции в Портсмуте).
7. Ограничение российских морских сил на Дальнем Востоке.
8. Предоставление Японии права ведения рыболовства вдоль российского побережья

Положение России очень осложнялось тем, что никаких военно-морских сил на Дальнем Востоке у нее не осталось — рассчитывать можно было только на дипломатию. Витте вступил в переговоры при очень неблагоприятных условиях — но проведены они были поразительно успешно. Он повернул настраивание посредников, обратив их внимание на требование Японии выплаты ей высокой денежной контрибуции.

«...Предыдущая контрибуция, взятая с Китая после его поражения в китайско-японской войне 1895 года, пошла на строительство японского флота, который через несколько лет провел успешную военную кампанию против России. На что пойдет русская контрибуция, и против кого будет направлена следующая японская кампания?» — говорил он — и надо сказать, что этот аргумент находил отклик даже у союзников Японии, англичан.

Рузвельт настоятельно посоветовал японской стороне не продолжать войну из-за контрибуции.

Витте мастерски сумел использовать именно сокрушительность разгрома русского флота при Цусиме как аргумент против Японии. В итоге ему удалось добиться таких условий, которые оказались неожиданно благоприятны для России — никакой контрибуции, и уступка только южной половины Сахалина. Японии пришлось дать обязательство не строить там укрепления.

Витте даже удалось навязать условие об *«...одновременном и параллельном выводе из Маньчжурии вооруженных сил обеих сторон...»*, образовав тем самым некий защитный буфер для русского Приамурья.

ИСТОРИК И ПИСАТЕЛЬ — В НЕРАЗРЫВНОМ ЕДИНЕНИИ

Книга Бориса Тененбаума читается на удивление приятно: она и познавательна, и умна, и талантливо написана. Роскошь — в любую эпоху! Сочетание, увы, — редкое и, во всяком случае, на русском языке. Обычные авторы, если знают историю, пишут по дубово-казённому клише «специалистов»; либо — что чаще! — если не знают, то понапишут такого... Недавно, например, своими глазами читал, что Гитлера привели к власти... евреи. Да, не предусмотрели эти злые банкиры последствий своих инвестиций в нацизм, близорукими, видите ли, оказались. А рядом — прочитал про Троцкого, соорудившего революцию в России по заказу... мирового сионизма и американских банкиров (про Ленина, правда, такого пока не пишут).

Бориса Тененбаума волнует, прежде всего, история отечественной революции. Ещё точнее — его терзают личные размышления, как можно было избежать трагедии, изуродовавшей судьбу всего человечества и его собственного народа — в придачу. И, поскольку Тененбаум, прежде всего, литератор, то начинает он творчество с отбора в истории персонажей для книги, которые могли такое совершить — спасти Россию, предотвратить революцию, если б оказались в нужное время в нужном месте...

А рядом с главными персонажами неизбежно появляются те, кто мешал занять «нужное место», нужную точку. Рядом с Витте, например, возникает фигура Николая II, погубившего всех, кого мог: жену, детей, братьев, слуг, наконец,

свой народ и свою страну. И себя в придачу — в жутком подвале в Екатеринбурге.

Естественно, читатели в России почти ничего про спасителей страны от революции не читали. Поэтому почти весь текст в книге Тененбаума для нас новинка. Скажем, граф Витте... Кто знал историю его невероятной карьеры? Как титулярный советник (штабс-капитан — по военным меркам) превратился в течение нескольких лет в министры финансов великой империи, развивавшей хозяйство страны в невероятном темпе — фактически Сергей Витте являлся, выражаясь в нынешних терминах, премьер-министром державы... Как добывал для неё кредиты, как укрепил валюту, как заключал мирные договора!

Следом — возникла фигура барона Маннергейма. Вдруг узнаём, что этот финский президент родом — швед, изгнанный из местного военного училища за хулиганство, оставивший родину и переехавший фактически в эмиграцию — в Петербург и здесь... Здесь он, в качестве лучшего молодого офицера, эскортировал Николая II в коронационном шествии, а после революции этот швед в Финляндии, урождённый бароном во времена всеобщего восстания, сумел создать на пустом месте «белую армию», сокрушившую красные полки, по любым параметрам превосходившие его войско, — и числом, и оружием, и офицерским составом... Конечно, имелись влиятельные союзники (высадился германский десант), но ведь и у красных финнов имелись могучие покровители — то же советское правительство, обладавшее в Финляндии воинскими ресурсами и неисчислимыми запасами вооружением. Но Маннергейм в считанные недели одержал над ними победу — и потом... ушёл в отставку: слишком он выглядел чужаком в новорождённой стране.

Что объединяет два образа у Тененбаума? С одной стороны, невероятно разносторонняя талантливость (вообще свойственная людям той эпохи — что красным, что белым). Витте — великолепный дорожник, и великий финансист, и хозяйственник, потом — дипломат, глава правительства... и мемуарист. Маннергейм — великолепный кавалерист, но

и общевойсковик, и политик, и тонкий дипломат. Оба — деловые до предела фигуры, но и романтики, обладатели огромных целей, поставленных самими себе колоссальных задач. И обоих отличает умение, удивительное при таких характерах и задачах — сдержанность. Умение не увлекаться свыше меры, умение поставить себе рамки для безопасности и сохранить их. Несомненно, сохрани Николай II графа Витте в политике — в какой-то, хоть во второстепенной роли, Россия не ввязалась бы в мировую войну. И сумела бы пережить, перетерпеть, привыкнуть к революционной ситуации — и выжить, пусть не самодержавной империей, это было невозможно, но конституционной монархией. И несомненно, если бы Маннергейм не выдержал свою страну на определённой дистанции от безумных планов правителя Германии, Финляндия не сумела бы сохранить бы независимость — ни при каких политических раскладах.

Вот это удивительное сочетание огромного размаха задач с хладнокровным умением удержат себя в рамках, не увлекаясь безумными, не подкреплёнными расчётом планами — и вызывает восхищение у автора его героями, и он старается нас заразить своим страстным чувством, тихо пробивающимся сквозь постоянную и вообще присущую ему иронию.

И под конец возникает новый герой — на этот раз не личность, а целая эпоха! Эпоха вольного капитализма — с фантастическим размахом развития, с невероятной скоростью изменений и — с авантюризмом, и безрассудным броском в аферы, непонятно кому нужные, рождённые фантазией, воображением политиков и ученых, деловых людей и генералов с адмиралами. Как странно, что во главе сильнейших держав планеты оказались люди, исключительно несамостоятельные, вроде Вильгельма II и Николая II. Они прислушивались к каждому нахрапистому и наглому советнику-авантюристу, они жили в мире расовых грёз — и кончили гибелью своих государств, неслыханными в истории трагедиями...

Германии, конечно, исключительно повезло, в отличие от России, — она два раза проигрывала войны. И только поэтому сумела достичь той заветной цели, которую безуспешно стремилась осуществить ценой невероятных кровопролитий — объединения Европы при безусловном лидерстве правительства в Берлине.

Борис Тененбаум написал поучительную книгу. Особенно поучительную именно в то время, которое именуют сейчас «кризисным» — когда мир вновь увлекся безумными авантюрами, фантазиями на тему «кто кого скорее уничтожит», когда невероятно важной становится именно такая общественная проблема: как сохранить стремительное развитие, не разрушая рамки возможного и желательного. Как уберечь себя от катастроф безумных и бессмысленных кровопролитий! Автор не даёт на сию тему никаких рецептов (он их, конечно, сам не знает), но заставляет задумываться и... одумываться.

Что ему и требовалось.

*Михаил Хейфец
апрель 2009 г.*

Борис Тененбаум родился в 1948 в Москве. Закончил Московский авиационный институт. С 1981 года проживает в Бостоне, США.

Его очерки и эссе публиковались в online-журналах («Заметки по еврейской истории», «Еврейская Старина», «Waronline.org» и др.).

...Эпизоды из истории России читаю несколько вечеров подряд, забросив все дела: БРАВО! Поражена, восхищена, возмущена... Не ожидала, признаюсь, написано очень интересно (говорю без тени лицемерия)! Я, как и всякий, наверно небезразличный к окружающему миру человек, не раз задавалась мучительным вопросом: могла ли быть иной судьба России? Можно ли было выйти из кризиса путем реформ, не ввязываясь в русско-японскую и затем в Первую мировую, избежать кровопролитного переворота 17-го года и прочих бед? И сколько же еще должно пережить жестоких уроков истории, чтобы Люди начали жить по-человечески, не завидуя, не разрушая, не уничтожая?! Спасибо Вам, за то, что Вы Делаете!

С. Н.

...Замечательно написано! Несмотря на то, что большинство фактов были мне уже знакомы («Маннергейм»), Вы привели их в необычайно интересном и читабельном виде, что заставило по иному оценить некоторые вопросы. Кое что я вообще не знал. Например, про участие финнов в боевых действиях против Германии, пусть даже и не столь кровопролитных и чисто, может быть, символических. Думаю, многие читатели будут в таком же восторге!

А. Кожейкин

ISBN 978-1-934881-25-5

9 781934 881255

9 0000 >

M-GRAPHICS PUBLISHING
www.mgraphics-books.com
mgraphics.books@gmail.com